

Архимандрит Августин (Никитин)

РУССКИЙ АФОН В ЗАПИСКАХ РУССКИХ ПАЛОМНИКОВ

В год празднования 1000-летия русского монашества на Афоне (1016–2016) особый интерес представляют записки русских паломников, посещавших Святую Гору. Встречаясь в тамошних обителях с соотечественниками, они отмечали это в своих записях. В числе таких богомольцев были князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, будущий иеромонах Аникита (в 1835–1836 гг.), и Виктор Каминский (в 1857 г.). О. Аникита повествует о непростых взаимоотношениях, которые сложились в Свято-Пантелеимоновском монастыре между русскими и греческими монахами, в результате чего он был вынужден с частью братии переселиться в Свято-Ильинский скит. Именно там благодаря стараниям о. Аникиты был выстроен храм, освященный во имя святителя Митрофана Воронежского. О. Аникита и Виктор Каминский посещали одни и те же обители с временным разрывом более чем в 20 лет; по сведениям, содержащимся в их паломнических записках, можно составить представление о тех изменениях, которые происходили в жизни тамошних насельников. В статье приводятся дополнительные сведения о судьбе Свято-Пантелеимоновского монастыря, который после 1914–1917 гг., пройдя через тяжелые испытания, начинает возрождаться, а также о Свято-Андреевском и Свято-Ильинском скитах, утративших русское присутствие и перешедших в ведение греческих насельников.

Ключевые слова: С. А. Ширинский-Шихматов (иеромонах Аникита), монах Герасим, архимандрит Досифей, игумен Иларион, преп. Арсений Коневский, иеродиакон Зосима, Епифаний Премудрый, Иона Угрешский, игумен Савва Вишерский, преп. Иннокентий Комельский, А. С. Шишков, император Феодосий II Младший, Н. В. Гоголь, Николай I, Александр II, св. Владимир, Ярослав Мудрый, св. Митрофан Воронежский, Алексей Комнин, Иоанн Грозный, Петр Великий, иеромонах Макарий, архим. Паисий Величковский, А. Н. Муравьев, граф Д. Н. Шереметьев, А. В. Болотов, Ильинский скит, Андреевский скит, Ватопед, обитель Древодела (Ксилургу), Свято-Пантелеимоновский монастырь, Нямецкий монастырь, монастырь Пантократор.

Русские монахи начали обосновываться на Афоне в первые десятилетия XI в. На афонском греческом документе, датированном февралем 1016 г., рядом с другими подписями значится имя монаха Герасима,

Архимандрит Августин (Никитин) — кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии (arch.avgustin@gmail.com).

игумена русской обители, написанное на греческом языке¹. В разное время на Афоне побывали или подвизались там известные русские подвижники: киево-печерский архимандрит Досифей, новгородский игумен Иларион, преподобный Арсений Коневский, иеродиакон Зосима и Епифаний Премудрый из Троице-Сергиевой обители, Иона Угрешский, игумен Савва Вишерский, преподобный Иннокентий Комельский и многие другие. В 1835–1836 гг. Святуго Гору дважды посетил о. Аникита (Ширинский-Шихматов).

Иеромонах Аникита родился в 1783 г. в деревне Дерново Вяземского уезда Смоленской губернии в небогатой многодетной дворянской семье, принадлежавшей к старинному знатному роду, имевшему татарские корни. Семья отличалась редким для того времени православным благочестием. Сергей получил превосходное домашнее образование и свободно владел пятью языками: французским, немецким, английским, латинским и греческим. Изучению последнего он придавал особое значение, он замечал хорошо знавшему его философу и богослову А. С. Стурдза: «Я вздумал учиться греческому языку, чтобы в подлинниках читать Омира (Гомера. — а. А.), Софокла и Феокрита; теперь этот язык, вкупе изящный и священный, питает меня творениями Златоуста, Григория и Василия»². В 1811 г. талантливый молодой человек сблизился с кругом литераторов, боровшихся с господствующей тогда галломанией, поборниками самобытной русской культуры, опирающимися на самобытные языковые традиции и православие. Первая поэма его «Петр Великий» сопричислила автора к членам Российской Академии. В 1809 г. он был избран действительным членом Императорской Академии наук.

С 1824 г. С. А. Ширинский становится ближайшим сотрудником А. С. Шишкова, который занял пост министра народного просвещения, в Главном правлении училищ при Министерстве народного просвещения. Однако примерно с 1827 г. жизнь С. А. Ширинского радикально изменилась. Он отказывается от славы одного из лучших поэтов России и в начале 1828 г. поселяется в новгородском Юрьевом монастыре. В 1829 г. Ширинский поступил в братство монастыря, а 25 марта 1830 г. князь Сергей принял в Юрьевом монастыре постриг под именем Аникиты³.

¹ См.: *Rouillard G., Collomp P. Actes de Lavra*. P. 52. Цит. по: *Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ)*. № 19. М.; Л., 1967. С. 123.

² *Стурдза А. С.* Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникиты // *Одесский вестник*. 1837. № 65. 14 августа. С. 788.

³ Там же.

Эсфигмен. Пещера преп. Антония Печерского

Весной 1835 г. о. Аникита отправился на Афон, где посетил большинство святогорских обителей. Большой интерес представляют записки о. Аникиты под 5 июля 1835 г. В тот день о. Аникита прибыл «в общежительную обитель Эсфигменскую, тем для русских поклонников особенно знаменитую, что в ней пострижен и подвизался преподобный отец наш Антоний Печерский»⁴. Эсфигменский монастырь основан в V в. византийским императором Феодосием II Младшим (408–450) и его сестрой Пульхерией. Для России Эсфигменский монастырь важен тем, что здесь, по преданию, первоначально подвизался в X в. преп. Антоний Печерский, основатель Киево-Печерской лавры. Пещера преп. Антония, высеченная в скале недалеко от монастыря, сохранялась в первоначальном виде⁵. И о. Аникита сподобился лицезреть эту пещеру: «Поныне видна еще вне монастыря его келья с малой во имя св. Николая церковью, в которой преподобный облекся в ангельский образ и близ которой должна находиться и пещера его, теперь уже лесом заросшая»⁶. 6 июля о. Аникита молился в Эсфигменской обители за Литургией и, «приложась к частям разных святых мощей и учрежден быв от отцов любезно доброй трапезой, пополудни поехал далее»⁷.

Более подробные сведения об Эсфигменской обители и о пещере преп. Антония Печерского приводит в своем паломническом дневнике другой отечественный богомолец — Виктор Каминский, посетивший Афон в 1857 г. В «Русском биографическом словаре» об этом писателе-паломнике приводятся лишь краткие сведения.

Виктор Кириллович Каминский (28 октября 1808–1856) окончил курс в гимназии князя Безбородко три года спустя после Гоголя — в 1831 г. Увлекаясь математикой, он отказался от представлявшегося ему лучшего места, чтобы поступить преподавателем любимого предмета; в 1834–1850 гг. служил в Новгородском и Полтавском кадетских корпусах. Растроенное здоровье принудило его оставить службу, он уехал за границу,

⁴ Жмакин В., *свящ.* Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834–1836 годах // Христианское чтение. 1891. Ч. 1, май-июнь. С. 532–533.

⁵ Путеводитель по святой Афонской Горе. Изд. 5. М., 1888. С. 76; Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. М., 1883. Ч. II. С. 171–172.

⁶ Жмакин В., *свящ.* Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834–1836 годах... С. 533.

⁷ Там же.

где здоровье его поправилось и дало ему возможность предпринять продолжительное путешествие на Восток, описанное им в книгах «Воспоминания поклонника Святой Земли» (СПб., 1855, второе издание 1856 г.), и «Воспоминания поклонника Святого Гроба» (СПб., 1859). Совершив второе путешествие в Иерусалим, Сирию и Аравию, он умер в Иерусалиме во время третьего своего пребывания там; погребен на Сионской горе⁸.

В своих записках Виктор Каминский приводит интересные сведения о Святой Земле, а в последнем издании его книги (СПб., 1859) есть глава, посвященная Афону. Весьма символично, что свои записки о русском присутствии на Афоне Виктор Каминский начинает с Эсфигмена. «8 июня я отправился странствовать по Афонской горе, направляясь от Ватопеда к западу, — пишет Виктор Каминский. — Через короткое время, по горной веселой местности, достиг ближайшего греческого монастыря, называемого Эсфигмен (сжатый)»⁹.

Монастырь Эсфигмен находится на северо-восточном склоне Афонской горы, сжатый с трех сторон высотами, отчего он и получил свое название. Ктиторами его считают императора Феодосия Младшего и царевну Пульхерию. Впоследствии разоренный обвалом горы, он был восстановлен сербскими государями. Эсфигмен — монастырь общежительный с XVIII в. Снаружи монастырь представляется четырехугольным замком, в стенах которого кельи в 4 этажа, с высокими башнями по углам. Посредине, внутри четырехугольника, — главный храм Вознесения Господня новой постройки, но уцелела и древняя церковь этого же наименования. В числе грамот (хрисовулов) здесь хранятся: две — Иоанна Палеолога (1060) и русского царя Алексея Михайловича¹⁰.

«Все афонские монастыри более или менее между собою сходны. Посредине, на площади, всегда красуется собор, за площадью кругом масса зданий, или отдельные корпуса между садиками; наконец, за строениями — высокая ограда с караульной башней, — продолжает Виктор Каминский. — Монастырь основан Феодосием Младшим и сестрой его Пульхерией, перенес свои испытания, был разрушаем и теперь цветет, как благоухающий крин»¹¹.

⁸ Русский биографический словарь. Ибак — Ключарев. СПб., 1897. С. 443.

⁹ Каминский В. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 622.

¹⁰ Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 143.

¹¹ Каминский В. Воспоминания поклонника Святого Гроба... С. 623.

Игуменом в Эсфигмене некогда был св. Григорий Палама. Св. Антоний, основатель Киево-Печерской обители, там же начал свои иноческие подвиги при игумене Феоктисте, поселившись в пещере недалеко от обители. Рядом с ней — другая пещера, пообширнее, обновлена русским пустынником Саввой, снабжена пробитым для света отверстием вместо окна; на обрыве скалы, названной Самарской, воздвигнута небольшая церковь во имя св. Антония Печерского¹².

Вот как излагает эти сведения Виктор Каминский: «Монастырь этот близок и к русскому сердцу: с ближайшей его горы, называемой Самарской, на горы киевские переселился преподобный Антоний, положивший начало русскому иночеству и основание Киево-Печерской лавре. Преподобный пришел на Афонскую гору в конце X в., — к эсфигменскому игумену Феоктисту и, с его благословения, поселился в горной пещере, за полверсты от монастыря. Вскоре он послан был своим старцем в Россию для учреждения духовного братства; но опять возвратился в свою любимую святогорскую пещеру; и, конечно, только по воле Промысла вторично ее оставил, чтобы навсегда вселиться в другую, славянскую, где киевские высоты могли заменить ему афонские, и широкий Днепр роскошное море»¹³.

Сведения, приводимые Виктором Каминским, содержатся в целом ряде справочных изданий. Самое ценное в его повествовании — это записки очевидца, побывавшего в Эсфигмене и отметившего «русский след» в этой обители. «Посетить пещеру преподобного Антония, помолиться там, на месте его святых молитв, выслушать потом обедню в нагорной церкви его имени, стоящей над пещерой, более всего жаждала моя душа по прибытии в Эсфигменскую обитель, — пишет Виктор Каминский. — Между тем отцы ее ввели меня в соборной храм, где я преклонился пред стопой той, которая первая пала к стопам воскресшего Господа. Итак, я видел в Галилее родину св. Марии Магдалины, — в Иерусалиме — место ее поклонения Спасителю, и на Афоне удостоился лобызать святые ее мощи. Потом поклонился св. главе апостола Иакова Алфеева и частям других святых. Когда прикладывался к кресту Животворящего Древа, то чувствовал теплоту, и от мощей Марии Магдалины — благоухание. Из храма меня пригласили в архондарик, недавно устроенный в русском вкусе, — с высокими диванами и с деревянным

¹² Христианство. Энциклопедический словарь... Т. 1. С. 143.

¹³ Каминский В. Воспоминания поклонника Святого Гроба... С. 623.

полом. Он называется европейским для отличия от другого, азиатского, — с низкими диванами и с полом, покрытым коврами.

Украшения европейского архондарика: копия с чудотворной киевской иконы Успения Богоматери, портреты государей императоров Александра Николаевича и Николая Павловича и карта Европы. „Лучше я не мог украсить лучшую свою залу“, — сказал мне отец игумен Агафангел, когда я взглянул на эти предметы. „Образ Успения, — продолжал он, — знаменует родство Эсфигменской обители с Киево-Печерской лаврой; портреты русских императоров напоминают нам благодеяния России и обязанность нашу молиться о ней, а карта сближает с Афоном любезные нам православные страны“. Отец Агафангел долго странствовал по России и питает к ней самые нежные чувства. Он принимал и русского пришельца в русском духе»¹⁴.

9 июня 1857 г. Виктор Каминский отправился по местам молитвенного подвига преп. Антония: «Из азиатского архондарика я увидел и ту священную гору, на которой спасался преподобный Антоний; а в следующий день и отправился туда с иноками для исполнения своих желаний, — вспоминал русский пешеходец. — Прежде всего вошел я в пещеру св. Антония, которая сохранилась в том же натуральном виде, в каком была при великом подвижнике; она очень невелика и освещается своим входом и малым окном. Икона всех святых Печерских, присланная Киевским митрополитом Филаретом, да горящая перед ней лампада — вот все достояние святой пещеры; но она красится и освещается собственным своим благодатным духом, проникающим душу пришельца»¹⁵.

Сотворив краткую молитву в пещере угодника Божия, Виктор Каминский поднялся в нагорную церковь св. Антония. «Она стоит на скале, над самым морем, — создана усердием россиян, с русским иконостасом, и украшена иконами русской живописи, — продолжает Виктор Каминский. — Здесь пришедшие со мной отцы совершили Литургию на русском языке, а потом отслужили молебен о благоденствии Всероссийского государя императора, Киевского владыки Филарета и всей Православной Руси. Около церкви выстроено несколько келий, и одна из них, приемная, — с балконом на море. В этой последней, после моления, мы провели за русским самоваром самый отрадный часок, беседуя на месте подвигов духовного славянского светила о Киеве и об Афоне в таком духе, как будто бы между этими местами не было никакого расстояния. Выше

¹⁴ Там же. С. 624–625.

¹⁵ Там же. С. 625.

этих келий, на горе Самаре, есть развалины монастыря, также отшельнические вертепы, и кое-где видны человеческие кости. Это всё следы подражателей аввы Антония»¹⁶.

Свято-Пантелеимоновский монастырь

Особый интерес представляют записки отечественных паломников о русском Свято-Пантелеимоновском монастыре. Русский монастырь св. великомученика Пантелеимона был основан на Афоне в начале просвещения Киевской Руси христианством: появление его относят ко временам св. Владимира и Ярослава. Монастырь этот находился сначала на другом месте, там, где теперь скит Пресвятой Богородицы. Во второй половине XII в. русские насельники уже не вмещались в своем монастыре, и святогорские монахи уступили им монастырь св. Пантелеимона. В XVIII столетии монастырем завладели греки, хотя он продолжал называться русским монастырем. Пантелеимоновский монастырь служил пристанищем для русских богомольцев; при нем была устроена пристань для судов, прибывавших с богомольцами из России. Пантелеимоновский монастырь содержался главным образом на пожертвования, получаемые из России¹⁷.

Вот какой предстала обитель св. Пантелеимона перед взором о. Аникиты: «18-го июня отправился рано поутру в русский Пантелеимоновский монастырь, из коего накануне прислан был за мной иеромонах Никифор с мулами, и к полдню прибыл в оный монастырь. Русским называется он токмо по имени (ибо некогда действительно жили в нем русские, но были все вдруг перерезаны греками: и с того времени, лет 150 назад, живут в нем одни греки, принимающие в собратство свое и русских), но принадлежит грекам, и есть один из лучших общежительных монастырей афонских по строгости жития монашеского. Игумен оного старец Герасим и дидаскал¹⁸ старец — благочестивые и духовные

¹⁶ Там же. С. 625–626.

¹⁷ Путеводитель по святой Афонской Горе. Изд. 5. М., 1888. С. 23–29.

¹⁸ В раннехристианское время дидаскалами называли религиозных наставников и преподавателей школ для оглашенных, а значительно позже, в Византии, это наименование получили некоторые преподаватели патриаршей школы при храме Святой Софии. Три особые дидаскала (Псалтири, Евангелия и Апостола), состоявшие в клире Великой Церкви, курировали вопросы толкования текстов Священного Писания. Круг обязанностей византийских дидаскалов был достаточно широк: они занимались вероучительным наставлением монахов и мирян, надзирали за школьным образованием в Константинополе,

воистину люди — приняли меня многогрешного с великой любовью. 19-го числа, по приглашению и прошению их, служил я, грешнейший, Литургию по-гречески»¹⁹.

Для о. Аникиты одной из целей посещения Афона было устройство престола во имя св. Митрофана Воронежского в Свято-Пантелеимоновской обители. Поэтому 2 июля о. Аникита снова «на присланных мулах отправился в русский монастырь, в котором угодник Божий святитель Митрофан благоволил быть престолу во имя его святое, и после полудня прибыл туда благополучно и принят был отцами с искренней любовью». Вот что сообщал о. Аникита далее: «Немедленно вручил я из данной мне на сей конец милостыни посильную помощь денежную на довершение готовой вчерне церкви, из числа так называемых параклисей, и освященной во имя святителя великого Воронежского Митрофана, которому уже в монастыре в день перенесения мощей его святых, 25-го июня, отправлено было торжественное бдение, при чем образ его святой вся братия с подобающим поклонением благоговейно лобызала. Согласившись с отцами о том, как что расположить в предназначенной церкви во имя угодника Божия, и пробыв у них следующий день, пользуясь назидательным примером их благочестия, 4-го числа поутру, по отслушании Литургии, отправился я далее на посещение остальных монастырей Святой Горы»²⁰.

В Свято-Пантелеимоновской обители в середине XIX в. совместно подвизались русские и греческие насельники. Виктор Каминский довольно подробно пишет об их взаимоотношениях: «С давних времен ради спасения души русские селились на Афонской горе. В XI в. они соединились в братство, основав недалеко от Ватопеда небольшую обитель Древодела, существующую донныне под именем скита Богородицы, принадлежащего Русику. В 1080 г., когда в России княжил Мономах, указом императора Алексея Комнина обитель эта утверждена была навсегда за русскими, и, с помощью Божией, возросла до того, что не могла вмещать в себе всех братий. Тогда, по просьбе ее игумена Лаврентия, Протат и все афонские настоятели даровали русским Солунский монастырь св. Пантелеимона, бывший на том месте, где ныне развалины Старого

произносили проповеди. В широком смысле слова дидаскалами в Византии называли профессиональных учителей. (См.: Византийский словарь: в 2 т. СПб., 2011. Т. 1. С. 289).

¹⁹ Жмакин В., свящ. Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинско-го-Шихматова) по святым местам Востока в 1834–1836 годах... С. 528–529.

²⁰ Там же. С. 531.

Русика. Туда и переселилась большая часть иноков из обители Древодела, оставив за собой и последнюю. Населенный русскими монастырь св. Пантелеимона также процвел в самое короткое время; особенно, когда поселился там сербский царевич Растко, или, по-гречески, Русик, давший обители и придаточное свое имя. Он постригся там под именем Саввы и осыпал обитель своими щедротами. Многие сербские воеводы и властители также покровительствовали ей. В XIV в. сербский царь Стефан прислал ей в дар честную главу св. великомученика Пантелеимона. Обитель эта имела свою пристань и близ нее церковь Вознесения, где ныне новый Русик; а также и скит Кацари, где нынешний Ксенофский»²¹.

Свято-Пантелеимоновскому монастырю покровительствовали сербские властители, валахские господа, а затем и русские цари, но это не уберегло русскую обитель от «эллинизации», о чем пишет Виктор Каминский: «После падения Сербского царства обители св. Пантелеимона благодетельствовали валахские господа, а в XVI в. она перешла под покровительство России, — и со времени царя Иоанна Васильевича до Петра Великого лились на нее щедроты царские и всей России. В 1726 г. паломник Барский нашел в Русике уже преобладание греческое, и русские иноки крайне были стеснены греческими; во вторую же свою бытность на Афоне, в 1744 г., он не нашел там уже ни одного русского и узнал из живых тогда рассказов, что в происшедшей распре между греками и русскими последние были вытеснены и первые сделались обладателями их достояния. Но вслед за этим кара Божия постигла несправедливых, и обитель св. Пантелеимона дошла до того, что сами греки должны были ее оставить и переселиться частью на пристань, принадлежавшую Русику, и там основать малую обитель, а большей частью в скит Кацари, где находились еще русские»²².

Турецкий гнет представлял большую угрозу для афонских насельников; они обращали свой взор к России, надеясь на ее заступничество. Именно это и стало причиной усиления русского влияния на Святой Горе. «Первая обитель приняла название Русика, но была в жалком положении, а второй хотя был и довольно силен, но пострадал от турок и сделался потом предметом тяжбы между Русиком и Ксенофом, — пишет Виктор Каминский. — Тогда бывший игумен этого скита, Савва, переселился в 1803 г. со своими иноками в Новый Русик. Там, разобрав ветхую церковь Вознесения и малую обитель, с помощью молдаванского

²¹ Каминский В. Воспоминания поклонника Святого Гроба... С. 638–639.

²² Там же. С. 639–640.

господаря князя Каллимахи, соорудил нынешний храм св. великомученика Пантелеимона; а также трапезу, келии и настоящие стены. В 1815 г. храм этот был освящен патриархом Григорием, почивающим в Одессе, который принимал большое участие в восстановлении Русика. Но, когда во время греческого восстания, в 1821 г., патриарх этот пострадал, князь Каллимаха тоже, игумен Савва умер и турецкие войска заняли Русик, то все иноки разбежались; и уже после Адрианопольского мира собрались под рукой нынешнего игумена Герасима. Число братий вскоре возросло; но несогласия, возникшие между греками и русскими, заставили последних вместе с отцом Аникитой (Ширинским-Шихматовым) удалиться в скит св. пророка Илии. Тогда обитель св. Пантелеимона опять начала приходить в упадок, и греки, ясно увидев, что без русских на бывшей русской земле они существовать не могут, сами начали приглашать к себе изгнанных; и изгнанники, забыв вражду и помня заповедь Божию — *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф 5:44), возвратились. Обитель процвела; и да поможет ей Господь цвести до скончания века!»²³.

В монастырском архиве хранились хрисовулы византийских императоров, царей сербских и российских, с XIII до конца XVII в. Грамотой от 9 февраля 1660 г. архимандриту этого монастыря было разрешено через четыре года на пятый приезжать в Россию за милостыней, чем на протяжении многих лет пользовались наместники обители²⁴. В 1663 г. «по государеву указу был в Кирилове монастыре в ссылке из Палестины Афонстей горы Костамонитова монастыря архимандрит Феофан и сказывал о Святой горе Афонстей и о монастырях»²⁵. По словам о. Феофана, «Пятый монастырь — русский. Храм святого Пантелеимона, среди Святыя Горы. А создал его великий князь Ярослав Киевский. А в церкви — икона святого Пантелеимона, чудотворная. И мощи его, глава, в той же церкви лежат, да рука святого Дионисия. Келей отходных — 75. А братий — 120»²⁶.

От краткого исторического обзора Виктор Каминский переходит к рассказу о личных впечатлениях. «Я достиг желаемой греко-русской обители св. великомученика и целебника Пантелеимона, более известной

²³ Там же. С. 640–641.

²⁴ Христианство. Энциклопедический словарь... Т. 1. С. 144.

²⁵ Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского гос. университета, 2013. С. 95.

²⁶ Там же. С. 96–97.

под именем Русику, — продолжает отечественный пешеходец. — Когда я приблизился к воротам обители, то увидел над ними образ св. великомученика Пантелеимона, который изображен юношей, держащим в правой руке лжицу, а в левой аптекарский ковчежец, в память того, что этот святой врачевал болезни. Едва я поклонился перед этим изображением угоднику Божию, как вдруг загудели русские колокола и тронули русское сердце. В самых воротах обители встретил меня знакомый иеромонах, отец Макарий, бывший в 1851 г. мирским моим спутником в Галилее и добрым соседом в Иерусалиме. Возвращаясь в то время в Россию, он заехал на Афонскую гору — и оттуда уже не выехал, променяв все прелести мира на монашескую мантию, в самые лучшие годы своей жизни. Радостна для меня была эта встреча, и мы поздоровались по-братски. Ту же минуту окружили пришельца многие русские братья и приветствовали единоплеменца, как родного. Все мы вошли в соборный храм св. великомученика Пантелеимона, и там раздалось русское отрадное „Достойно есть“. Потом отец Макарий, облачась, растворил Царские ворота и, вместе с отцом иеродиаконом, совершил общую ектенью, где более всего тронуло меня искреннее моление братии о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих и плененных. Затем я приложился к вынесенному кресту, к честной главе св. великомученика Пантелеимона, к святым частям праведного Иосифа — обручника Пресвятой Девы, св. апостола Фомы и к другим»²⁷.

В те годы храм св. Пантелеимона принадлежал грекам, составлявшим с русскими одно братство, насчитывавшее до трехсот человек. Из этих трехсот — 64 русских, а остальные греки и славяне; последних до пятидесяти человек²⁸. Вот как сочетались в обители русские и греческие интересы: «Братство имеет одного игумена, общую трапезу и общий звон; но греки со славянами и русские служат в разных храмах и живут в разных корпусах. Монастырская земля и вообще земли, принадлежащие Русику, есть собственность греков; но она не может обеспечивать обители без пособия русских. Таким образом, общие выгоды соединяют воедино тех и других»²⁹.

Хотя между греческими и русскими насельниками порой возникали трения, гость из России был радушно принят греческими иноками. «В сопровождении братии я пошел из церкви в греческий архондарик,

²⁷ Каминский В. Воспоминания поклонника Святого Гроба... С. 634–636.

²⁸ Там же. С. 636.

²⁹ Там же.

где отец Макарий представил меня игумену, отцу Герасиму, и русскому духовнику Иерониму, — продолжает Виктор Каминский. — Это нравственные столпы, на раменах которых держится вся тяжесть огромной обители. Кротостью и благоразумием они умеют водворить мир и согласие между всеми разнохарактерными братьями, а опытностью и неусыпной деятельностью — истинно духовную жизнь и самое строгое общежитие»³⁰.

Однако самый подробный рассказ Виктора Каминского — о русской части обители: о ее братии, о храмах и о гостеприимстве, оказанном гостю из России. «Из греческой половины я прошел со своими единоземцами в русский корпус — и совершенно забыл, что нахожусь в Македонии: все там дышит, все проникнуто одною Русью. Корпус — настоящий дворец, в пять этажей, в котором помещается несколько приделов и соборный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, — вспоминал Виктор Каминский. — Кроме того русским принадлежит еще отдельный храм, стоящий на паперти, во имя святителя Христова Митрофана. Этот последний создан по мысли отца Аникиты (князя Ширинского-Шихматова), подвизавшегося некоторое время в Русике. Покровская Церковь — в новейшем вкусе, с небольшими хорами. Иконостас ее, по соразмерности, отделке и изящной живописи г. Пашехонова, превосходный; Царские врата, на коих изображены четыре евангелиста, — истинно царские: они вдвое шире обыкновенных, но в совершенной пропорции с иконостасом. Местные же иконы Спасителя и Богородицы — верх совершенства! изумляют живостью своего взгляда.

Вскоре после того как я вошел в храм, началась вечерня, — тихая, благоговейная, умиляющая душу. С первого раза я весь привязался к этой святой обители и просил позволения у отца Иеронима, полного хозяина русской половины, пробыть у них подольше. С любовью была принята моя просьба, отведена мне особенная келья, и всевозможные ласки и услуги братии не прекращались в течение девяти дней, проведенных мною с ними. В эти девять дней я говел, приобщался Св. Таин вместе с иноками, обходил все их окрестные келлии и каливы, также был на развалинах Старого Русика, лежащих недалеко от нового, и посетил Ксенофский скит, принадлежавший прежде Русику»³¹.

Представляет интерес рассказ Виктора Каминского о всеобщем бдении, за которым он молился.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 637–638.

«С 15-го на 16-е июня я слушал в Русике, в церкви Покрова Богородицы, всенощное афонское бдение, которое казалось мне истинно великим, трогательным и полнейшим, какое только может быть. Всенощная началась в субботу, в шесть часов пополудни, — непрерывно шла в продолжение десяти часов и окончилась, когда воскресное солнце стояло уже над обителью. Начальное пение „Благослови душе моя Господа!“ продолжалось три четверти часа, и с этого пения души подвижников видимо воспарили к Господу, чтобы благословлять, славить и молить Его, елико возможно. В чтении, самом отчетливом, в пении — тихом, умирительном, в сказании поучения, — везде звучала эта душа, любящая Бога и стремящаяся к Нему. Когда говорились творения святых отцов или толкования на Евангелие, что делалось четыре раза, освещение в храме уменьшалось, все иноки сидели в своих седалищах; во все же остальное время стояли и молились с большой набожностью, не выходя ни разу из церкви. Каждый дорожил этими душеотрадными часами, на которые они собрались после недельных трудов и обыкновенного ежедневного служения.

В этом молении участвовали многие келиоты и каливиты, пришедшие из своих уединений. На общих ектениях произносилось отдельно, с припевом „Господи помилуй!“, каждое лицо, поручившее себя молитвам подвижников, — и так же усердно братия молились за ближних, как и за самих себя. Когда я вообразил себе, что в эти часы вся Святая Гора одушевлена одним благодатным духом, все ее храмы равно освящены, везде раздаются священные гимны, совершается пламенное моление, то душа увидала в этой горе высший восхитительный мир, где святые обители сияют на земле, как звезды на небесах; мне казались эти земные обители прообразованием тех небесных, о которых сказал Господь Своим ученикам: „В дому Отца Моего много обителей“ (Ин 14:2). На час после всенощной братия удалились, чтобы опять собраться в храм, с лучшими силами, для служения обедни, которая и совершилась в обыкновенное число часов»³².

До Первой мировой войны в Пантелеимоновской обители было свыше 2000 братии. Вместе с русскими иноками, отдельно жившими, и в русских кельях, всего на Афоне было до 5000 русских монахов. В 1929 г. в русской обители и двух русских больших скитах (Ильинском и Андреевском) имелось около 1000 монахов, а всего русских на Афоне насчитывалось приблизительно 1500–1800 человек³³. В 1929 г.

³² Там же. С. 642–643.

³³ *Болотов А. В.* Афон и Почаев. Очерки. М., 2015. С. 50.

в Пантелеимоновском монастыре насчитывалось более 500 человек. Однако многочисленным старцам, там доживающим, сложное монастырское хозяйство уже было не под силу³⁴. К 1945 г. число насельников Пантелеимоновского монастыря уменьшилось до 215 человек, а в русских кельях до 200 человек³⁵.

Пожары 1927 и 1968 гг. нанесли непоправимый ущерб русскому монастырю, но в нем оставалась горстка русских старцев. В связи со случившимися пожарами в Пантелеимоновском монастыре и в Андреевском скиту (об этом см. ниже) Московская патриархия послала 13 ноября 1962 г. через посольство СССР в Греции два денежных перевода по 75 тысяч греческих драхм на восстановление пострадавших помещений. Кроме того в Пантелеимоновский монастырь был направлен грузовой автомобиль³⁶.

В 1966 г., впервые после длительного перерыва, в Россикон прибыло первое пополнение в количестве 6 монахов, которое остановило тяжелые испытания братства обители. Впредь до развала Советского Союза в обитель приезжали небольшими группами иноки, которые сохранили этот оплот русского монашества. Сегодня численность монахов в Пантелеимоновском монастыре составляет около 70 человек, а обитель, возрождаясь вновь, стала приобретать характерные черты, присущие великолепию русских монастырей³⁷.

Ильинский скит

Оба пешеходца — о. Аникита и Виктор Каминский — посетили также Ильинский скит. Вот как добирался туда о. Аникита: «Верхом на муле отправился я с добрым спутником моим, отцом схимонахом Феодором, в его, или в наш, русский, скит св. пророка Илии, куда и прибыли благополучно в 5 часов пополудни»³⁸, — пишет именитый паломник.

Ильинский скит был основан в 1757 г. уроженцем Полтавы старцем Паисием Величковским, известным своей высокой духовной жизнью и своими переводами святоотеческих писаний с греческого на славянский

³⁴ Там же. С. 44.

³⁵ Якимчук И. З. Русские иноки на Афоне в XX в. // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 162.

³⁶ Троицкий П. В. Русские на Афоне. М., 2003. С. 105.

³⁷ Присакару Вяч. Святая Гора Афон молитвенница вселенной. Кишинев, 2015. С. 239.

³⁸ Там же. С. 115.

язык. Устроив скит, о. Паисий занялся переводом на славянский язык «Добротолюбия» и сочинений Исаака Сирина и собрал до 100 человек братии. Но против духовного вождя восстали недовольные его управлением, и в 1763 г. он удалился с 64 человеками (т. е. с 2/3 всего числа монашествующих) в Нямцу, в Молдо-Валахию, и основал там Новую лавру; здесь же осталось большинство малороссиян³⁹. Старец Паисий умер в 1794 г. в Молдо-Валахии в звании архимандрита Нямецкого монастыря. Ильинский скит находится в зависимости от монастыря Пантократора⁴⁰. Одним из настоятелей Ильинского скита был о. Парфений, управлявший им с 1820 г. Во время восстания греков (1821 г.) он с главными святынями скита удалился в Россию и здесь пребывал в Лебяжевском Николаевском монастыре в Черноморье. В 1830 г., после заключения мира России с Турцией, о. Парфений оставил Россию, в сопровождении нескольких монахов прибыл назад на Афон и восстановил из развалин Ильинский скит. О. Парфений умер в скиту в 1837 г. от моровой язвы⁴¹.

О. Аникита поселился в Ильинском скиту, в келье, которую когда-то занимал преп. Паисий Величковский: «Старец настоятель иеромонах Парфений, уже около 40 лет иночествующий в скиту сем и по бывшем во время восстания греческого от турок разорения афонским монастырям паки оный обновивши, принял нас как искренних братьев и даже уступил мне на жительство свою келью, знаменитую тем, что строитель скита игумен Паисий (молдавский, известный святостью своего жития) жил в ней и занимался переводом с греческого на славянский язык книги „Добротолюбия“ Исаака Сирина»⁴².

В Ильинской обители о. Аникита совершил свою первую Литургию на Святой Горе: «11-го июня, по благословению отца строителя, исповедавшись у него, сподобился я, многогрешнейший, приступить к Престолу Божию и совершить первую Литургию на Горе Царицы Небесной, прочитав Ей акафист, и отслужив молебен великим моим заступникам, святителям Николаю и Митрофану. 12-го числа паки сподобился я окаяннейший приступить к Престолу Божию и совершить Бескровное священнодействие»⁴³.

³⁹ Христианство. Энциклопедический словарь... Т. 1. С. 144.

⁴⁰ Скит св. пророка Илии на Афонской горе. Одесса, 1883. С. 16–27.

⁴¹ Там же. С. 30–32.

⁴² Жмакин В., *свящ.* Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834–1836 годах // ХЧ. 1891. Ч. 1, январь-февраль. С. 115.

⁴³ Там же.

... Со времени первого посещения Афона о. Аникитой прошел год. За это время о. Аникита сподобился побывать на Святой Земле, и вот, в мае 1836 г. он снова отправился на Афон. Но когда о. Аникита вернулся в Пантелеимонов монастырь, то вместе с русскими монахами был вынужден из-за недовольства греческой братии удалиться в Ильинский скит, где заложил храм свт. Митрофана Воронежского. Таким образом, о. Аникита способствовал началу вселенского почитания святителя Митрофана.

Вот как о. Аникита излагает суть спора с греческими насельниками Свято-Пантелеимоновского монастыря: «Продолжая божественное служение в несомненном чаянии окончить оное в оконченном новом храме великого угодника Божия, к прискорбию моему, увидел я чаяние мое неисполвшимся. Попущением Божиим свыше, сатана возбралил делу благому, возмутив старцев монастырских страшиться там, идеже не бе страх, так что, несмотря на обещание свое и на увещание мое, отреклись они совершенно от своих слов и отказались вовсе от устройства в монастыре своем престола во имя великого святителя Митрофана. Почему продолжив ежедневное литургисание в монастыре до 8-го числа июня, в сие число отслужив угоднику молебен и икону его святую изнесли из монастыря в русский Ильинский скит, для окончания там 40-дневного служения Божественной литургии и пребывания безмолвного в нем до отъезда к новому своему месту. <...> Того же числа, проезжая мимо древнего нашего русского монастыря, в котором братия наша, до 80 человек, от греческих своих собратий в том же монастыре иночествовавших, побieni быша, остановился в развалинах сей опустевшей обители и с спутниками своими поставив икону св. Митрофана в параклисе Божией Матери, довольно еще уцелевшем, отслужил по усопшим панихиду и потом продолжил путь в скит св. Илии, куда вскоре и прибыл благополучно, и принят был любезно старцами и братией, и наутрие вступил в служение священнодействия Божественных Таин для окончания 40-дневного восприятого на себя священнейшего подвига»⁴⁴.

То, что не довелось осуществить в Свято-Пантелеимоновом монастыре, о. Аникита смог завершить в Ильинском скиту, о чем он записал в своем дневнике: «Сего же приснопамятного числа (25 июня 1836 г.), в которое правили мы всеобщее бдение угоднику Божию свят. Митрофану, сподобил нас Господь великого Своего помилования, сподобил нас, при священнослужении святителя Божия архиепископа Панкратия, руками его святыми заложить храм во имя свят. Митрофана. Призри, Господи, с небеси

⁴⁴ Там же. С. 449–453.

и, благословив, соверши дело рук наших во славу Пресвятого Твоего имени и в честь угодника Твоего, нашего великого заступника, ходатайством и покровительством Пречистой Твоей Матери, прославляющей святого раба Твоего на святейшем месте царского Ее жребия»⁴⁵.

10 лет спустя скит пророка Илии посетил Виктор Каминский. Будучи российским писателем-паломником, он не забывал и свою малую родину — Малороссию. Поэтому он с особым чувством отправился в скит пророка Илии, «перейдя через хребет Св. Горы, на северо-восточную сторону». Вот как излагает он историю этого скита: «Ильинский скит, состоя в зависимости от монастыря Пантократора, составляет собственность малороссиян и наполнен одними малороссиянами, за исключением игумена и казначея, которые из болгар. Скит этот становится известным с тех пор, как обитал в нем знаменитый Паисий Величковский, переведший „Добротолюбие“, Исаака Сирина и другие сочинения с греческого на славянский язык. Когда же мудрый Величковский удалился в Молдавию, в Нямецкий монастырь, то осиротевший после него скит пришел в слабое и хаотичное состояние от слабого управления. Но теперь, когда Господь послал Своим людям достойного пастыря в лице настоящего игумена, то обитель быстро пошла к совершенству. Между иноками водворились мир, согласие и братолюбие, примерные на Св. Горе. Между ними, после тревожной жизни, нашел себе мирную пристань и благочестивый отец Аникита (Ширинский-Шихматов). В этом скиту покоился и прах его, перенесенный из Афин, где он окончил свою жизнь, находясь при Русской миссии. Ильинский скит осчастливлен посещением и ночлегом великого князя Константина Николаевича»⁴⁶.

Тогдашний игумен этого скита отец Паисий получил образование в России, был духовником в Бессарабии, при архиерейском дворе, а затем стал управлять Ильинским скитом. По словам Виктора Каминского, о. Паисий «возвел эту обитель до степени монастыря, которому только и не достаёт монастырских прав. Приемные и келии скита в приятном виде, соборный храм благолепный, другой во имя св. Митрофана, где погребен отец Аникита, и третий во имя Благовещения — в самом изящном вкусе. Паперть вокруг соборного храма в русском духе, а новая колокольня над воротами казалась мне как будто перенесенной из Малороссии»⁴⁷.

⁴⁵ Там же. С. 453.

⁴⁶ Каминский В. Воспоминания поклонника Святого Гроба... С. 644–645.

⁴⁷ Там же. С. 645.

И совсем кратко отечественный паломник пишет о личных впечатлениях. «Братия, мирные мои земляки, встретили кочующего земляка с самыми теплыми чувствами, и я расположился у них квартирой — как будто в родной своей Малороссии, — продолжает свой рассказ Виктор Каминский. — Проведя в скиту пять дней безвыходно, я молился с иноками, беседовал с ними, участвовал в великом бдении, с 23-го на 24-е июня, и приложился к святыням скита, из коих драгоценнейшая — левая нога св. апостола Андрея Первозванного, издающая удивительное благоухание»⁴⁸.

После революции 1917 г. Ильинский скит разделил участь русских обителей на Афоне. За периодом расцвета последовал упадок, но скит никогда не был оставлен русскими иноками. До Первой мировой войны в Ильинской обители было до 300 насельников⁴⁹. К 1945 г. число монахов уменьшилось до 52 человек⁵⁰. После смерти настоятеля схиархимандрита Николая Ильинский скит попал под влияние монахов, находившихся в общении с Русской Православной Церковью за границей, и в Ильинской обители прекратилось возношение имени Константинопольского патриарха⁵¹.

20 мая 1992 г., за отказ поминать на богослужениях патриарха Константинопольского Варфоломея настоятель архимандрит Серафим вместе со всей братией (4 человека) в присутствии митрополита Илиопольского Афанасия (Папаса), митрополита Филадельфийского Мелитона (Караса) и настоятеля монастыря Пантократор архимандрита Виссариона были изгнаны греческой полицией из скита и депортированы с территории Афона. Просьба Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II заселить опустевший скит иноками из России осталась без внимания со стороны руководства Пантелеимоновского монастыря, несмотря на то, что предложение об этом исходило со стороны губернатора Святой Горы К. Папулидиса⁵². Скит перешел в ведение монастыря Пантократор и вскоре был заселен греками. В настоящее время в Ильинском скиту проживает небольшая греческая монашеская община из 10 человек⁵³.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Болотов А. В. Афон и Почаев... С. 50.

⁵⁰ Якимчук И. З. Русские иноки на Афоне в XX в... С. 162.

⁵¹ Там же. С. 164.

⁵² Там же. С. 165–166.

⁵³ Присакару Вяч. Святая Гора Афон молитвенница вселенной... С. 287.

Скит св. апостола Андрея Первозванного

Скит св. Андрея, на восточном склоне Афона, по красоте местности назывался турецким именем «Серай» (красивый дворец, дача). Основание его сооружению положил Константинопольский патриарх Афанасий (Пателарий), который, оставив кафедру, поселился здесь, построил келью, уехал в Россию и умер в Лубнах. Келья патриарха оставалась необитаемой около ста лет, пока другой патриарх, Серафим, прибыв на жительство на Афон, не поселился на месте, избранном предшественником, и приобрел в собственность значительный участок земли, а афонское общество доставило ему строительные материалы для сооружения обширного скита. Патриарх прожил тут два года и, передав управление о. Паисию Величковскому, сам тоже уехал в Россию и умер в Лубнах, как и Афанасий. После же Паисия оставшийся правитель скита «Серай» передал его Ватопеду за приют и содержание в этой обители. От Ватопеда приобрели право на владение им в 1841 г. русские монахи из Брянска — Иларион и Варсонофий, собравшие вокруг себя общину русских иноков. Келья в 1849 г. была возведена на степень скита, открытого 27 октября 1849 г. жившим в Ватопеде Адрианопольским митрополитом Григорием, при ктиторстве А. Н. Муравьева⁵⁴.

Об истории этой обители сообщает интересные подробности Виктор Каминский, отправившийся «в скит св. апостола Андрея Первозванного, населенный одними великороссиянами».

«Вначале это горное иноческое гнездо состояло только из большого дома, который назывался Серай (Дворец) и служил местопребыванием некоторых патриархов, находивших здесь себе приют после трудных своих кафедр. Так, уединялся в Серае Цареградский патриарх Афанасий Пателарий, нетленно почивающий в Лубенской обители, а потом жил здесь тоже Вселенский патриарх Серафим. Этот последний создал своим иждивением настоящий храм во имя св. апостола Андрея Первозванного, завещав, чтобы в этом храме праздновалась память и св. Антония Великого, коему была посвящена прежняя серайская церковь. С тех пор Серай начал называться *Серайской келлию*. Но патриарху Серафиму судьба судила последовать за Афанасием на Лубенские горы, где он и положил свои кости, а афонская его келья пришла в упадок, и вот, верно по молитве св. патриархов, нашедших себе вечный покой в России, Господь предоставил также в чужой стране русским спокойное убежище этих патриархов — их Серайскую келлию.

⁵⁴ Христианство. Энциклопедический словарь... Т. 1. С. 143–144.

В 1841 г. пришел на Афонскую гору инок Белобережской пустыни отец Виссарион с одним собратом и взял у Ватопеда, на общих афонских правах, заброшенную Серайскую келлию. Мало помалу, с присоединившимися к нему единоземцами, он довел эту келлию до того, что сами ее владельцы стали ему завидовать. Чтобы не лишиться своего сокровища и сделать его навсегда достоянием русских, необходимо было возвести келлию до степени скита. Господь помог в этом отцу Виссариону, послав ему и, следовательно, всем русским в 1849 г. большого благодетеля в лице Андрея Николаевича Муравьева, который умным и усердным ходатайством в Протате достиг того, что Серайская келлия на самых прочных основаниях возведена в скит св. апостола Андрея Первозванного, с празднованием памяти и св. Антония Великого»⁵⁵.

Как и прежде, Виктор Каминский переходит от исторического обзора к рассказу о личных впечатлениях. «В скит я пришел во время братской трапезы и прямо приглашен был отцом Виссарионом к столу, — пишет русский богомолец. — Нужно ли говорить об искреннем приеме русского русскими на чужбине? Живя в отдалении от отечества, они тем ближе к нему сердцем; все напоминающее им о России драгоценно; каждый новый пришелец оттуда приносит им собою радость... Здесь я нашел трудолюбивого образованного соотечественника П. И. Севастьянова, посвятившего свои топографические и фотографические познания для съемки Афонской горы. <...>

На другой день я вполне наслаждался русским священнодействием. Отрадно было слышать, когда поминались собственно русские ктиторы Андреевского скита, во главе которых А. Н. Муравьев и граф Д. Н. Шереметьев, пожертвовавший скиту Евангелие, дорогой крест, Чашу со всеми принадлежностями, дарохранильницу, подсвечники и кадилницы. Моления андреевских отцов за своих единоземцев, поручивших себя их молитвам, равно как то же самое в Русике и Ильинском ските, в высшей степени утешительны. Это не механическое чтение имен, а истинное ходатайство пред Богом, изливающееся от сознательной души и любвеобильного сердца»⁵⁶.

Число монахов Андреевского скита к началу XX в. приблизилось пяти сотням человек; по размерам он превосходил некоторые монастыри, но Октябрьская революция стала началом заката обители. Видный российский государственный чиновник Александр Васильевич Болотов

⁵⁵ Каминский В. Воспоминания поклонника Святого Гроба... С. 647–649.

⁵⁶ Там же. С. 649, 651.

(1866–1938) посетил Афон в 1929 г., уже будучи в эмиграции. По его словам, еще до революции «можно было так легко превратить Андреевский и Ильинский скиты в самостоятельные монастыри, хотя бы приобретением обедневшего и малонаселенного греческого монастыря Ставроникисты, и в Карейском Протате было бы целых три русских голоса, а славянских пять, считая болгарский Зографский и древнейший сербский Хиландарский монастыри, вместо одного русского против 17 греческих голосов. Естественно, что положение русских ныне неравное и зачастую весьма зависимое»⁵⁷.

Прекратился приток новых монахов из России, стали иссякать денежные запасы⁵⁸. К 1945 г. число насельников Андреевского скита уменьшилось до 45 человек⁵⁹. К бедственному положению Андреевского скита добавился еще и страшный пожар, возникший 16 августа 1958 г., который не прекращался три дня и уничтожил большую часть обители. Пожар полностью уничтожил самую древнюю часть скита — Серай. Сгорели многие строения и храмы. В огне погибло около 20000 книг и рукописей. Полностью погибли библиотека и архив⁶⁰.

Последний русский игумен обители о. Михаил закончил свой жизненный путь в 1968 г. После него игумена больше не избирали, поскольку в скиту оставалось всего пять престарелых насельников⁶¹. А в 1971 г. почил последний русский монах обители о. Самсон, пребывавший в ней как сторож. До последних дней своих старец Самсон жил с надеждой передать ключи от ворот своей обители новым, пришедшим из родного отечества, русским монахам, которые возродили бы в ней угасшую жизнь⁶².

Около 20 лет Андреевский скит пустовал, перейдя в распоряжение Ватопедского монастыря. Из скита была вывезена наиболее ценная утварь и святыни; оставшись необитаемым, скит очень быстро разрушался.

⁵⁷ Болотов А. В. Афон и Почаев... С. 34. В 1931 г. А. В. Болотов вторично прибыл на Афон и принял постриг в рясофор с именем Амвросий, а в 1938 г., незадолго до кончины, был пострижен в схиму.

⁵⁸ Сайт «Афон.про». URL: <http://www.afon.pro/places/hermitages/andreevskij-skit> (дата обращения: 04.08.2016).

⁵⁹ Православная энциклопедия... Т. 4. С. 162.

⁶⁰ Андреевский скит // Сайт «Путеводитель по Афону». URL: <http://agionoros.ru/docs/41.html> (дата обращения: 04.08.2016).

⁶¹ Андреевский скит на Афоне: грустная история некогда великой обители // Сайт «Православие на Украине». URL: <http://orthodoxy.org.ua/data/andreevskiy-skit-na-afone-grustnaya-istoriya-nekogda-velikoy-obiteli.html> (дата обращения: 04.08.2016).

⁶² Прусакару Вяч. Святая Гора Афон молитвенница вселенной... С. 264.

Ватопед долгие годы не посылал в него своих монахов; в 1982 г. руководство Ватопедского монастыря даже рассматривало возможность передачи Андреевского скита Пантелеимоновскому монастырю, но эти планы не осуществились⁶³. Поскольку не было больше русских иноков, то в него постепенно стали самовольно заселяться греческие монахи. А в 1992 г. он официально стал греческой обителью⁶⁴. Сегодня лишь русские купола и архитектура храмов молчаливо свидетельствуют о славном прошлом этой русской святогорской обители, посвященной первопророку Руси св. апостолу Андрею Первозванному.

Прощание с Афонской горой

Посетив большую часть афонских монастырей, Виктор Каминский перед отъездом снова был гостем русских обителей. Он побывал в Свято-Пантелеимоновском монастыре, в скитах св. апостола Андрея и св. пророка Илии.

Свято-Пантелеимоновский монастырь. «Через час пути от Ксиропотама я был уже в Русике. Таким образом, сама судьба привела меня к тому, чтобы еще раз мне увидеть эту святую обитель и еще раз насладиться ее умирительным священнослужением. Двое суток протекли в этом отрадном состоянии, и, наконец, 7-го июля отец Иероним благословил меня иконой св. великомученика Пантелеимона, а отец Герасим — священным хлебом, и отпустили странника с миром. Все русские братья проводили меня за порту, и там мы простились по-братски»⁶⁵.

Скит св. апостола Андрея Первозванного. «Я пришел в скит св. апостола Андрея Первозванного, чтобы и там проститься; и вот, после обеденной трапезы братья повели меня в церковь, помолились о плавающих и путешествующих и потом, осенив меня мощами св. Андрея Первозванного, искренно пожелали путнику счастливого пути»⁶⁶.

Ильинский скит. «Вечером того же дня я добрался и до родного Ильинского скита и, узнав, что через день с пристани Пантократора идет в Кавалу судно, решил на нем отъехать. Скоро прошел следующий день: то в сборах в дорогу, то в последней беседе с земляками,

⁶³ Якимчук И. З. Русские иноки на Афоне в XX в... С. 164.

⁶⁴ Андреевский скит // Сайт «Афон.про». URL: <http://www.afon.pro/places/hermitages/andreevskij-skit> (дата доступа: 04.08.2016).

⁶⁵ Каминский В. Воспоминания поклонника Святого Гроба... С. 673–674.

⁶⁶ Там же. С. 674.

и наступил, наконец, последний мой день на Афонской горе. Утром этого дня я пошел к ранней обедне в церковь святителя Христова Митрофана. Там, стоя перед воротами храма земного, парил душой к воротам Небесным, и в заключение сказал: „Если я обрел Твою помощь в своих путях, Божественная Путеводительница и Пресвятая Дева, то, верно, не оставишь странника и на пути его в отчизну!“... При мысли об отчизне, когда уже все было для меня кончено на чужбине, сильно заговорила во мне любовь к родине, и все мои желания устремились к тому, чтобы скорее увидеть отечество.

Между тем обедня кончилась, я выхожу из храма, и вот подходит ко мне один из иеродиаконов и просит в собор, говоря, что отец игумен и он приготовились служить мне молебен. „Это значит, — подумал я, — отгадывать даже и мысли: то, о чем хотел просить, — сами предлагают“; до такой степени простирается внимание афонских отцов к своим посетителям. С чувством умиления я выслушал молебен, особенно составленный для отплывающих; и затем, разделив с братьями их трапезу, в сопровождении отца игумена и большей части его мирного стада отправился к морю. Там ожидали путника легкий галиот и попутный ветерок. С великой благодарностью я простился с ильинскими иноками и, сопровождаемый их усердными желаниями, взошел в галиот и отплыл от берега. — „Прощай Святая Афонская Гора!“⁶⁷.

* * *

Подводя итог сказанному, можно сделать некоторые выводы. Возросшее влияние России на Балканах во второй половине XIX в. укрепило позиции русского монашества на Афоне. А в начале XX в. даже были реальные предпосылки для перевода русских Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов в монастырский статус. Однако Первая мировая война и события 1917 г. в России резко ослабили русское влияние на Святой Горе, чем и воспользовались греческие насельники, захватив обе обители. После 1991 г. началось возрождение Свято-Пантелеимоновской обители, и празднование 1000-летия русского монашества на Афоне открывает новую страницу в его славной истории.

⁶⁷ Там же. С. 674–675.

Источники и литература

1. Андреевский скит // Сайт «Афон.про». URL: <http://www.afon.pro/places/hermitages/andreevskij-skit> (дата доступа: 04.08.2016).
2. Андреевский скит // Сайт «Путеводитель по Афону». URL: <http://agionoros.ru/docs/41.html> (дата обращения: 04.08.2016).
3. Андреевский скит на Афоне: грустная история некогда великой обители // Сайт «Православие на Украине». URL: <http://orthodoxy.org.ua/data/andreevskiy-skit-na-afone-grustnaya-istoriya-nekogda-velikoy-obiteli.html> (дата обращения: 04.08.2016).
4. *Болотов А. В.* Афон и Почаев. Очерки. М., 2015.
5. Византийский словарь: в 2 т. Т. 1. СПб., 2011.
6. *Дуйчев И.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). № 19. М.; Л., 1967.
7. *Жмакин Василий, свящ.* Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834–1836 годах // Христианское чтение. 1891. Ч. 1, январь-февраль; май-июнь.
8. *Каминский Виктор.* Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859.
9. *Муллонен И. И., Панченко О. В.* Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского гос. университета, 2013.
10. Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. Ч. I–II. М., 1883.
11. *Присакару Вячеслав.* Святая Гора Афон молитвенница вселенной. Кишинев, 2015.
12. Путеводитель по святой Афонской Горе. Изд. 5. М., 1888.
13. Русский биографический словарь. Ибак — Ключарев. СПб., 1897.
14. Скит св. пророка Илии на Афонской горе. Одесса, 1883.
15. *Стурдза А. С.* Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникиты // Одесский вестник. 1837. № 65. 14 августа.
16. *Троицкий П. В.* Русские на Афоне. М., 2003.
17. Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1.
18. *Якимчук И. З.* Русские иноки на Афоне в XX в. // Православная энциклопедия. М. 2002. Т. 4. Статья «Афон».

Archimandrite Augustine (Nikitin). Russian Athos in the Diaries of Russian Pilgrims.

The diaries of Russian pilgrims who visited the Holy Mountain are of particular interest this year, when we celebrate the millennium of Russian monastic presence on Mt. Athos (1016–2016). These diaries reflect their interaction with compatriots, whom they met on the Holy Mountain. Two of many such pilgrims were Prince Sergey Shirinsky-Shikhmatov, the future Hieromonk Anicetas (in 1835–1836), and Viktor Kaminsky (in 1857). Fr. Anicetas describes the uneasy relationship between Russian and Greek monks at St. Panteleimon's Monastery, as a result of which he was forced to relocate to St. Elias' Skete with some of the brotherhood. There, through the efforts of Fr. Anicetas, the church of St. Metrophanes of Voronezh was built and consecrated. Fr. Anicetas and Viktor Kaminsky visited the same monasteries, but twenty years apart. Comparing their accounts, one can get a sense of the changes that had occurred in the lives of monastics there. This article offers further observations about the fate of St. Panteleimon's Monastery, which began to recover following the difficult events of 1915–1917, and of the St. Andrew's and St. Elias' sketes, where the Russian monastic presence was lost and the sketes were transferred to Greek monastics.

Keywords: Sergey Shirinsky-Shakhmatov (Hieromonk Anicetas), Monk Gerasimus, Archimandrite Dositheus, Abbot Hillarion, St. Arsenius of Konevets, Hierodeacon Zosimas, Epiphanius the Wise, Jonah of Ugresha, Abbot Sabbas of Vishera, St. Innocent of Komel, Aleksandr Shishkov, Emperor Theodosius II, Nikolay Gogol, Nicholas I, Alexander II, St. Vladimir, Yaroslav the Wise, St. Metrophanes of Voronezh, Alexius Comnenus, Ivan the Terrible, Emperor Peter I, Hieromonk Macarius, Archimandrite Paisius Velichkovsky, Aleksandr Muravyev, Count Dimitry Sheremet'yev, Aleksey Bolotov, St. Elias' Skete, St. Andrew's Skete, Vatopedi, Xelurgu Abbey, St. Panteleimon's Monastery, Neamtu Monastery, Pantocrator Monastery.

Archimandrite Augustine (Nikitin) – Candidate of Theology, Assistant Professor at St. Petersburg Theological Academy (arch.avgustin@gmail.com).